

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—2 августа. Въ Москвѣ находится и работаетъ «Россійское акціонерное общество химическаго производства 1914 года».

Въ качествѣ директора коммерческой части этого общества состоитъ нѣкій Леонидъ Густавовичъ Каубишъ.

Очевидно, среди акціонеровъ директоръ этотъ представляетъ величину и пользуется полнымъ довѣріемъ. Поэтому, когда правленію общества явилось необходимымъ командировать въ Лондонъ и Парижъ своего представителя, между членами его не нашлось никого болѣе подходящаго, какъ г. Каубишъ.

Послѣдній не отказался принять возложенную на него миссію и не замедлилъ отправиться въ Лондонъ, гдѣ и произошла съ нимъ довольно скандальная исторія.

По свойственной англичанамъ обстоятельности, они не постѣснялись слегка выяснить личность пожаловавшаго къ нимъ представителя московскаго предпріятія и неожиданно наткнулись на возмутившее ихъ обстоятельство.

Леонидъ Густавовичъ Каубишъ оказался прусско-подданнымъ нѣмцемъ.

Лондонскія власти лишили «россійскаго представителя» удовольствія пробраться въ Парижъ, попросивъ его возвратиться «восвоясь» (?), т.-е. въ Россію.

Фактъ знаменательный и плохо рекомендующій не только «Россійское акціонерное общество химическаго производства 1914 года», но и вообще руссійское общество, пережившее, какъ и первое, два года войны ²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, декабрь, 1916 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 1 авг. 1916 г.

Германская сестра милосердія Бунтенъ, при посѣщеніи госпиталя военноплѣнныхъ на Голодаѣ, имѣла наглость заявить, что германскіе инвалиды пользуются въ Россіи недостаточнымъ уходомъ ¹⁾).

Въ то самое время, когда повсюду въ Россіи трудно купить бензина и за него платятъ десятерныя суммы, Бакинскіе нефтепромышленники не знаютъ, куда дѣвать все растущіе запасы бензина и рѣшили вылить 300.000 пудовъ бензина въ море. Къ счастью, объ этомъ узналъ московскій военно-промышленный комитетъ и остановилъ это....

„Новое Время“ сообщаетъ, что въ Одессѣ губернаторъ Сосновскій запретилъ члену Государ. Думы кн. Мансыреву прочесть разрѣшенную военной цензурой лекцію: «національные вопросы и Государственная Дума» ²⁾).

Во время войны Финляндія увеличиваетъ на громадныя суммы доходъ своей казны, въ то время, какъ мы заключали многомилліардные займы. Привлеченіе Финляндіи къ расходамъ по войнѣ по сіе время еще не состоялось.

Бои на Волыни и въ Галиціи протекаютъ успѣшно для насъ, а на Кавказѣ, къ сѣверу отъ Хамадана, наступленіе турокъ продолжается.

Разсказываютъ ужасающіе факты о томъ, какъ нѣмцы завладѣли поставкой восковыхъ свѣчей для нашихъ церквей. Не хочется вѣрить симъ позорнымъ фактамъ.

Г. Смоляниновъ въ «Новомъ Времени» ³⁾ приводитъ интересный разсказъ:

На посыпанной краснымъ пескомъ дорожкѣ лагеря встрѣчаю нѣсколькихъ прусскихъ солдатъ въ круглыхъ безкозырькахъ съ краснымъ околышемъ и въ сѣрыхъ одностороннихъ мундирахъ, украшенныхъ розеткой изъ французскихъ національныхъ цвѣтовъ. Подхожу къ одному изъ нихъ, высокому, худому, нѣсколько сутоловатому человѣку съ сильной просѣдью на головѣ и въ длинныхъ, топорщащихся усахъ и спрашиваю его:

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.

²⁾ „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.

³⁾ „Нов. Вр.“ 2 авг. 1916 г.

— Что значать эти прекрасные цвѣта на такомъ варварскомъ мундирѣ?

— О, это цвѣта нашей матери — Франціи! — сразу воодушевляется старикъ.

— Вы французы?

— Да, изъ Альзаса.

— Вы давно въ плѣну?

— Давно... съ первыхъ боевъ еще въ 1914 году... Развѣ мы могли сражаться противъ васъ?!

— Откуда вы родомъ?

— Я? изъ Страсбурга... я тамошній профессоръ математики...

— И нѣмцы отправили васъ на войну рядовымъ?

Профессоръ улыбнулся.

— Что это значить для нихъ? Послѣ Лувена и Реймса, бѣдный профессоръ Жосефъ Грассе не заслужилъ бы другой участи...

— Что же вы дѣлаете здѣсь?

— Здѣсь? О, мы ежечасно молимся за нашу милую Францію, и наша молитва услышана: мы ѣдемъ къ себѣ...

На глазахъ старика блеснули слезинки. Откуда-то изъ сосѣдняго барака принесли мандолины, гитары, и въ русскомъ лагерѣ для плѣнныхъ раздались страстные, призывные звуки марсельезы...

Allons, enfants de la Patrie...

Запѣлъ хоръ «прусскихъ солдатъ» (!) — запѣлъ какъ молитву, надрывающую сердце и вызывающую невольныя слезы при одномъ только взглядѣ на этого старика-профессора, котораго нѣмцы послали на убой и который теперь — воодушевленный, съ горящими глазами, отбивая ногою тактъ, управляетъ хоромъ своихъ юныхъ друзей:

Formez vos bataillons.

Дважды пропѣли они свой чудный гимнъ и потомъ, какъ одинъ, огласили боръ восторженнымъ крикомъ:

— *Live la Russie!*

— *Vive la liberté!*

Какая ужасная трагедія, какая злая насмѣшка судьбы... Все, что было здѣсь русскаго, могло отвѣтить имъ только одно:

— *Vive la France!*

Но насъ, къ сожалѣнію, здѣсь было очень мало...

3—10 августа. Г. Петровъ ¹⁾ передаетъ интересныя свѣдѣнія о работахъ въ германскому тылу, добытыя нашими молодцами-развѣдчиками:

«На Двинѣ въ одномъ изъ мелкихъ боевъ при нашей неудавшейся развѣдкѣ зарѣкою, на германской сторонѣ». Уссейновъ былъ сбитъ съ ногъ взрывомъ воздуха при разрывѣ снаряда подлѣ, ошеломленъ до потери сознанія и, незамѣченный отходящими своими, остался лежать за кустами. За ночь отлежался, на разсвѣтѣ пришелъ въ себя и, понявъ, что онъ остался на германской сторонѣ, рѣшилъ побродить здѣсь нѣсколько дней. Спряталъ въ кустахъ подъ вѣтвями ружье и патроны, пробрался до какого-то полуразрушеннаго хутора и у старика-латыша, что одинъ остался сторожемъ при домѣ, выпросилъ старую одежду убитаго старикова сына. Переодѣтый такъ, онъ бродилъ у германцевъ въ тылу полторы недѣли.

На третій день версть за сорокъ уже отъ боевой линіи встрѣтилъ онъ странный обозъ. Шло нѣсколько десятковъ грузовыхъ платформъ. Видимо, это были испорченные самоходы. Тащили ихъ то лошадьми, то людьми. Людьями больше, нежели лошадьми. Лошадей впрягали только на два-три часа, а потомъ люди тащили все на себѣ. Уссейновъ подумалъ было, что это—плѣнные, наши русскіе или французскіе солдаты. Притаившись при дорогѣ за кустами, пропустилъ обозъ мимо себя. Слышалъ и окрики на двуногихъ лошадей и отвѣты ихъ на нѣмецкомъ языкѣ. На ночь обозныхъ людей запирали въ бараки, ставили у дверей и по угламъ бараконъ часовыхъ.

Нашъ татаринъ сталъ красться слѣдомъ за этимъ обозомъ. Шли они вдоль фронта, въ сторону Риги. Дошли до Нейгута: Здѣсь, въ нѣсколькихъ верстахъ за станціей, остановились среди открытаго поля и стали рыть окопы. Рыли день и ночь. Дадутъ одной смѣнѣ рабочихъ поѣсть, соснутъ и опять за работу. Работа и отдыхъ все время подъ строгой охраной часовыхъ. Мѣсто было низкое, сырое, комариное, — работать тяжело. Рабочіе, видимо, заморенные дорогою, стали болѣть. На болѣзни не обращали никакого вниманія. Слабыхъ, падавшихъ часовые прикладами поднимали на ноги и гнали на работу. Дня черезъ четыре странныхъ рабочихъ перегнали ближе къ передовымъ окопамъ. Здѣсь посылали ихъ на самыя опасныя работы. Разрушаютъ русскіе снарядами линію

¹⁾ „Русс. Слово“, 3 авг. 1916 г.

окоповъ, — линію надо возобновить. А русскіе продолжаютъ бить изъ пушекъ. Сюда, на работу подь снарядами, и посылали германцы пригнанныхъ съ обозомъ людей. Нашъ солдатъ-развѣдчикъ заинтересовался, что за люди эти рабочіе. Замѣтивъ, что кое-кто изъ бывшихъ здѣсь крестьянъ бесѣдовалъ съ караульною командою при рабочихъ, татаринъ по-латышски спросилъ о загадочныхъ людяхъ. Оказалось, что это — нѣмецкіе каторжники изъ германскихъ тюремъ. Здѣсь была партія въ 300 человекъ изъ баварскихъ каторжныхъ тюремъ.

По предложенію германскихъ властей, изъ каторжныхъ тюремъ вызывались охотники въ рабочія команды для работъ въ наиболѣе тяжелыхъ и опасныхъ мѣстахъ.

Вскорѣ за татаринномъ изъ-за Двины вернулся другой нашъ развѣдчикъ. Онъ былъ глубже Уссейнова въ тылу германцевъ и около Биржъ наблюдалъ странныя работы большихъ партій нѣмецкихъ рабочихъ. Всѣ эти рабочіе имѣли очень болѣзненный, заморенный видъ. Лица у всѣхъ были впалыя, желтыя. Одѣты были эти рабочіе въ старое солдатское платье, но безъ погонъ и петличекъ. Солдатскія фуражки на головахъ были безъ кокардъ.

Нѣсколькими партіями этихъ рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ по рѣкѣ дѣлались опыты съ какими-то чанами и насосами. Чаны были изъ желѣза въ палецъ и больше толщиною. Большіе, половинчатые. Въ каждую половину можно было помѣстить лошадь съ телѣгою. Чаны эти складывались и быстро склепывались, опускались въ воду. Затѣмъ ставили насосы и что-то качали.

Близко къ работамъ не подпускались даже германскіе солдаты, не бывшіе въ караульной при рабочихъ командѣ. Поэтому нашъ развѣдчикъ могъ наблюдать работы только издали, съ пригорка, въ полуверстѣ. По сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, можно думать, что германцы провѣряли пригодность готовыхъ, складныхъ баковъ для наводки большихъ мостовъ на Двинѣ.

Нашъ развѣдчикъ бродилъ здѣсь по округѣ долго, возвращаясь время-отъ-времени къ Биржамъ для наблюденія за работами. На восьмья сутки, ночью, онъ замѣтилъ на стоянкѣ рабочихъ большой переполохъ. Замелькали огни. Выгнали рабочихъ изъ бараковъ, началась провѣрка. Пошли поиски. Видимо, кто-то бѣжалъ.

На счастье, нашъ развѣдчикъ въ эту ночь ночевалъ на другой сторонѣ рѣчки. Онъ оттуда подь-утро слышалъ дикіе крики, вопли, а потомъ выстрѣлы. Съ восходомъ солнца всѣ рабочіе были собраны въ три большія партіи, окружены усиленнымъ конвоемъ и угнаны въ глубь тыла, по дорогѣ на Шавли.

Черезъ два дня развѣдчикъ узналъ, что и здѣсь, у Биржъ, работали также германскіе каторжники. Работы въ заклепанныхъ бакахъ, подь водою, на днѣ рѣки, были очень тяжелыя. Заморенные каторжники то-и-дѣло падали безъ сознанія. Грозили разбѣжаться. Имъ было объявлено, что за побѣгъ одного отвѣчаютъ всѣ товарищи по партіи: разстрѣляютъ всю партію. Одинъ и не выдержалъ. Бѣжалъ, оставивъ записку:

— Я изъ каторжной тюрьмы самъ вызвался на военныя работы, но здѣсь хуже всякой каторги. Другіе—какъ хотятъ, а я бѣгу. Пусть, поймавъ меня, и казнятъ. Смерть легче такой жизни. Если палачи, какъ обѣщали, станутъ казнить за меня, за мой побѣгъ, и товарищей по партіи, я не мучаюсь совѣстью. Право, пусть лучше они сразу кончаютъ съ ними. Если властные палачи погубили Германію, не пожалѣвъ народа, станутъ ли они жалѣть насъ, осужденныхъ?

Въ исполненіе угрозы за побѣгъ одного было тутъ же разстрѣляно 15 человекъ, а такъ какъ даже солдаты разстрѣливали съ явнымъ неодобреніемъ казни, то остальныхъ изъ партіи, чтобы казнью ихъ не бить солдатъ по нервамъ, какъ и всѣхъ рабочихъ-каторжанъ, увели тотчасъ же куда-то на новое мѣсто.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ Курляндіи не только нѣтъ уже добровольныхъ охотниковъ на германскія военныя работы и обозныя службы, но и силою брать уже некого. Германцамъ и приходится вызывать изъ Германіи каторжниковъ. Даже каторжницъ. На обратномъ пути отъ Либавы въ сторону Митавы, нашего латыша догналъ обозъ. Обозъ былъ большой. Послѣ оказалось, что онъ шелъ не одинъ. За нимъ слѣдовали еще шесть такихъ же обозовъ. Обозы эти были конные и везли на большихъ фурахъ длинныя жерди, заготовленныя для свай бревна съ желѣзными кольцами наверху, желѣзные костыли. Два обоза везли что-то въ родѣ морскихъ минъ. Блиско разглядѣть было нельзя. По дорогѣ на столбахъ были приказы на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

— Сегодня и завтра въ такіе-то часы будутъ проходить военные обозы. Подъ страхомъ смерти запрещается подходить близко къ нимъ. Приказано стрѣлять безъ предупрежденія.

Издали можно было разглядѣть, что всѣ обозные солдаты выглядѣли очень моложавыми, а когда обозы останавливались на стоянку, то, несмотря на строгіе приказы, къ этимъ обозамъ, какъ мухи на сахаръ, лѣзли германскіе солдаты изъ ближайшаго штаба: писаря, денщики, конюхи. Заходили изрѣдка и офицеры. И всѣ съ оглядкой.

Загадка объяснилась, когда на одной стоянкѣ нашъ латышъ подошелъ ближе и встрѣтилъ латыша-подростка, сухо-ручку. Тотъ крался куда-то кустами.

— Куда?—спросилъ латышъ.

— Идемъ вмѣстѣ: пріѣхало много дѣвушекъ, будутъ сегодня танцы на полянѣ въ лѣсу. Мнѣ говорили денщики, что стоятъ на нашей мызѣ.

— Какія дѣвушки? Откуда?

— А цѣлый обозъ. Сзади еще идутъ. При обозѣ вмѣсто кучеровъ все бабы. Есть много молодыхъ. Пойдемъ. Идутъ и наши латыши, кто тутъ остался.

Пошли. Пробирались съ полчаса лѣсомъ отъ стоянки обоза,—на полянѣ, большой и укромной, солдаты парами пляшутъ, сидятъ, обнимаются. Разглядѣлъ: обозные солдаты всѣ женщины, одѣтыя по-солдатски, въ штаны, только, какъ в каторжанки-рабочіе, безъ кокардъ и погонъ. Выяснилось, что и это были охотницы изъ каторжныхъ тюремъ, которыя по доброй волѣ согласились смѣнить каторгу на обозную службу подлѣ боевыхъ позицій. Но жизнь этихъ каторжницъ шла, очевидно, много легче и веселѣе, чѣмъ жизнь каторжниковъ на окопныхъ работахъ. Обозы съ ними охранялись отъ стороннихъ глазъ, но на стоянкахъ, видимо, глаза начальства закрывались на строгіе приказы. Тутъ устраиваются цѣлыя оргіи. Начальство строго смотритъ лишь за однимъ,—чтобы эти бабы обозы не развозили заразные болѣзни. Поэтому всѣ возницы подъ строгимъ медицинскимъ надзоромъ: при каждомъ обозѣ фельдшерица, а чуть-что сомнительное,—на стоянкѣ строгій докторскій осмотръ, и больныя строго отдѣляются.

Этотъ же латышъ передавалъ случай, который весьма возможенъ,—его слѣдовало ожидать отъ германцевъ—но который такъ важенъ; что требуетъ не одиночнаго лишь пока-

занія, а болѣе провѣренныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ. Съ другой стороны, все же необходимо отмѣтить голое сообщеніе, не дѣлая пока общихъ выводовъ. Дѣло было на приморской дорогѣ изъ Германіи, отъ Мемеля на Либаву. Латышъ увидѣлъ идущій навстрѣчу ему обозъ со тщательно укрытыми возами. Шли грузовыя самоходныя платформы, но шли не собственной тягою, а въ конской запряжкѣ. На каждой платформѣ стояло по пулемету. Клади было на каждой платформѣ немного, но кладъ была плотно укрыта хорошими рогожами и крѣпко увязана веревками. Обозъ усиленно охранялся полевыми жандармами и особою здѣсь конною приморскою полиціей. Впереди и сзади обоза шли большіе конные разъѣзды.

Заинтересованный таинственнымъ обозомъ, латышъ вернулся назадъ и на перекресткѣ дорогъ, гдѣ было болѣе открытое мѣсто, удобное для осмотра, взлѣзъ въ сторонкѣ на высокое дерево. Когда обозъ сталъ подходить къ перекрестку, съ боковой дороги подѣхалъ на самоходѣ, въ сопровожденіи взвода солдатъ, какой-то важный германскій генераль. Онъ остановилъ обозъ. Долго разспрашивалъ что-то у обознаго начальника. Пересчиталъ возы, велѣлъ снять брезенты, провѣрилъ подъ ними всѣ кипы въ рогожѣ и, наконецъ, приказалъ вскрыть одну кипу. Кипу обступили всѣ, — и офицеры, и солдаты. Генераль смотрѣлъ что-то, давалъ смотрѣть офицерамъ, а потомъ роздалъ что-то солдатамъ. Солдаты кланялись, радостно кричали, — видимо, благодарили.

На другой день латышъ, пробираясь уже слѣдомъ за обозомъ, узналъ отъ жителей, мимо которыхъ проходили возы съ таинственной кладью, что конвойные при обозѣ солдаты показали новенькія русскія бумажныя деньги въ три и пять рублей, — говорили, что генераль далъ имъ на память о цѣнномъ грузѣ, который они везли.

Какія это были русскія деньги? Какъ онѣ появились въ Германіи, и куда, для чего ихъ цѣлымъ обозомъ везли въ сторону Курляндіи, — пока, конечно, область догадокъ и соображеній, но вѣрнѣе всего, что это — фальшивыя бумажки казенной германской работы. Вопросъ, требующій серьезнаго и точнаго обслѣдованія.

Слышалъ отъ одного швейцарскаго подданнаго:

За два года до настоящей войны Вильгельмъ II пріѣхалъ

на маневры въ Швейцарію и по окончаніи маневровъ просилъ показать ему стрѣльбу швейцарскихъ войскъ. Показана была стрѣльба съ близкихъ разстояній, и кайзеръ былъ удивленъ необычайной мѣткостью швейцарскихъ стрѣлковъ. Онъ пожелалъ видѣть стрѣльбу на дальнія разстоянія. Подняли мишени вверхъ въ горкѣ, и по окончаніи стрѣльбы кайзеръ полъзъ лично осматривать мишени и былъ пораженъ достигнутыми успѣхами. Послѣ этого визита германцы стали строить крѣпость Иштейнъ противъ Базеля со всѣми усовершенствованіями, и передъ настоящей войной крѣпость была совершенно готова.

Каждый швейцарецъ имѣетъ все вооруженіе, снаряженіе дома, и мобилизація свершается на полномъ ходу въ нѣсколько часовъ, при чемъ призываемыхъ просятъ (не приказываютъ) захватить провіантъ на нѣсколько дней.

Въ день объявленія войны Франціи Германіей въ Швейцаріи были призваны подъ знамена всѣ возрасты отъ 17 до 60 лѣтъ, и почти вся швейцарская армія, оставивъ небольшой заслонъ противъ Австріи, стала у Базеля въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изъ Иштейна мимо Базеля удобнѣе всего было вторгнуться изъ Германіи, черезъ Швейцарію, во Францію. Призывные были вызваны изъ всѣхъ странъ свѣта. Швейцарская армія была совершенно готова и сосредоточена гораздо раньше, нежели это успѣли сдѣлать германцы. Такимъ образомъ швейцарцы обезпечили свой нейтралитетъ и заградили дорогу во Францію. Сосредоточенныя германскія войска нещадно бранили швейцарцевъ. Швейцарскія войска въ первый же день мобилизаціи срубили вѣковые дѣса на склонахъ горъ и обратили ихъ въ грозныя засѣки. Войска не распущены и по сіе время и охраняютъ цѣлость своей страны.

Въ Москвѣ арестованъ крупный торговецъ хлопкомъ П. Ш. Поряляковъ по обвиненію въ причастности къ преступной организаціи, скупающей золото для Германіи. Этотъ господинъ значился также русскимъ и турецкимъ подданнымъ.

Г. Буханцевъ ¹⁾ передаетъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ на Рижскомъ фронтѣ N-ской стрѣлковой дивизій.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 4 авг. 1916 г.

Про N-скую стрѣлковую дивизію я уже давно слышалъ восторженные отзывы. Про нее даже сложились цѣлыя легенды. Судить о ея доблести можно уже потому, что германцы обѣщали уничтожить ее до послѣдняго солдата.

Нѣмцы познакомились съ ней еще подъ Варшавой, когда доблестные полки ураганнымъ натискомъ опрокинули врага и показали силу русскаго оружія.

Въ послѣднемъ бою на рижскомъ фронтѣ N-ская дивизія, несмотря на всѣ мытарства двухлѣтней міровой войны, оказалась снова на высотѣ своего боевого достоинства. Ея полки безстрашно шли въ атаку и своимъ примѣромъ воодушевляли сосѣднія части.

У N-ской дивизіи за эту и японскую войну выработались особыя традиціи: драться до послѣдней капли крови, не вступать съ непріателемъ ни въ какіе переговоры, умирать но не сдаваться въ плѣнъ...

Кто не помнитъ геройскій подвигъ прапорщика Обертынскаго, славнаго офицера N-ской дивизіи...

Вотъ полковой командиръ Ивановъ-Мумжіевъ, идущій подъ ураганнымъ огнемъ непріателя въ атаку со своимъ полкомъ. Въ самый разгаръ боя полковнику доносятъ, что убитъ батальонный командиръ Гасыбовъ, и тяжело раненъ другой... Онъ бросается впередъ и лично руководитъ боемъ. Рвется снарядъ... Командиръ падаетъ контуженный. Въ этотъ моментъ ему кажется, что его полкъ уже погибъ...

— Боже мой, что я сдѣлалъ со своимъ полкомъ!

Но сейчасъ же приходитъ въ себя и собираетъ геройскія роты. А сбоку въ это время, какъ львы, дерутся остальные полки...

Нужно было видѣть N-скую дивизію въ этомъ страшномъ, кошмарномъ бою (3—8 іюля), когда всѣ полки шли въ бой, какъ одинъ человекъ. Здѣсь было сплошное героичество...

И вотъ среди этого ада, всюду можно было видѣть командира геройской дивизіи, георгіевскаго кавалера двухъ степеней. Тутъ же, подъ градомъ свинца, боевой генераль спокойно отдаетъ распоряженія...

Вотъ почему меня тянуло къ N-мъ.

Случай выдался, и я поѣхалъ вмѣстѣ съ представителями трофейной комиссіи.

— Добро пожаловать, господа!—просто встрѣтилъ насъ генераль.

Мы засыпали его вопросами.

— Вамъ нужны герои... Ихъ у насъ много, но, къ сожалѣнію, большинство пало на этомъ гибломъ мѣстѣ.

И генераль съ особой любовью рассказываетъ про своихъ любимцевъ.

— Въ этомъ бою всѣ дрались молодцами.

Въ полкахъ насъ встрѣтили, какъ родныхъ.

Поручикъ Зайченко, герой славнаго полка, о своихъ подвигахъ рассказываетъ нехотя, а все говоритъ о товарищахъ.

Про него рассказываютъ удивительныя вещи. Какъ-то нѣмцы довольно сильно начали забрасывать окопы бомбами и минами. Это надоѣло поручику. Онъ досталъ нѣсколько котелковъ, начинилъ ихъ пироксилиновыми пашками съ гвоздями и прочимъ желѣзнымъ хламомъ. Пристроилъ ихъ къ бомбometу и давай забрасывать нѣмецкіе окопы. Германцы всполошились, такъ какъ котелки рвались съ оглушительнымъ взрывомъ, нанося большія поврежденія. Одинъ котелокъ не разорвался, и нѣмцы были поражены своеобразной миной. Въ эту же ночь нѣмцы кричали намъ:

— Эй, русскій, зачѣмъ котелки разбрасываешь!

А то разъ, онъ пристроилъ къ небольшимъ санкамъ большую ракету и пустилъ ночью къ нѣмцамъ. Картина была грандіозная. По полю мчится какое-то огненное чудовище. Нѣмцы открыли бѣшеный огонь изъ артиллеріи и пулеметовъ. Солдаты видѣли, какъ нѣмцы бросились бѣжать изъ своихъ окоповъ.

Каждый день онъ что-нибудь да придумаетъ для нѣмцевъ. За всю кампанію Зайченко былъ три раза раненъ. Вся его жизнь на войнѣ—это сплошное приключеніе.

— Государство не даромъ деньги платитъ, значитъ, нужно работать, — это его лозунгъ.

Въ каждомъ полку мы находимъ свою исторію, своихъ героевъ. Вотъ полковой знаменосецъ. Во время сильнаго боя. снарядъ разорвался почти подъ ногами у него. Знамя разорвало и сломало на нѣсколько частей, солдата далеко отбросило въ сторону, винтовку сломало, а самъ онъ остался живъ. Отряхнувъ землю, онъ сейчасъ же сталъ у сломаннаго знамени.

За четыре дня пребыванія въ славной дивизіи передо мной промелькнули десятки героевъ, о которыхъ можно написать огромную книгу.

Интересно описаніе одного изъ боевъ на южномъ фронтѣ въ настоящее блестящее наше наступленіе¹⁾).

¹⁾ „Рус. Сл.“ 4авг. 1916 г.

Дружной, тѣсной семьей сидимъ всѣ на батарее, возлѣ окопа.

Рабочій боевой день кончился. Только-что отобѣдали. Весело, пріятно, хорошо...

— Вашбродь! Вашбродь! Ихъ высокобродіе командиръ батареи просятъ васъ къ телефону, — докладываетъ телефонистъ.

Поднимаешься нехотя, съ лѣнцой, берешь въ руки телефонную трубку.

Лица у всѣхъ вытягиваются, прислушиваются.

— Слушаю! Я, Михаилъ Антоновичъ! Я слушаю васъ...

Минута-другая напряженного молчанія...

Кладешь телефонную трубку. Любопытные взоры офицеровъ обращены на тебя.

Съ нѣкоторой серьезностью говоришь имъ, что командиръ дивизіона приказалъ прибыть немедленно къ нему командирамъ батарей и офицерамъ-наблюдателямъ дивизіона. Предстоятъ, какъ сказалъ командиръ батареи, нѣчто серьезное.

Настроеніе у всѣхъ перемѣнилось. Одинъ беретъ въ руки газету, другой укладывается на гинтеръ спать. Каждый предвидитъ себѣ работу.

Подали лошадь. Минуть пять ѣзды, — и землянка командира дивизіона полковника И, — героя еще первыхъ дней войны и георгіевскаго кавалера. Землянка низкая, тѣсная.

Тутъ всѣ уже въ сборѣ. Ждутъ только командира 2-й батареи.

А вотъ и онъ, усталый, запыхавшійся. Молодой подполковникъ съ Георгіемъ въ петлицѣ, — герой еще японской войны. Георгія получилъ уже здѣсь.

— Ну, господа, — началъ командиръ дивизіона, — время сейчасъ особенно дорого. Сообщу вамъ пріятную новость. Господа!.. мы... наступаемъ!..

Полковникъ произнесъ эти слова съ нѣкоторой растяжкой, торжественностью, какъ-будто выжидая, какое впечатлѣніе произведутъ они.

— Слава Богу! Слава Богу!.. Давно пора!.. — облегченнымъ вздохомъ вырвалось у всѣхъ.

— Я прорту, господа, приказъ начальника дивизіи.

«Командующій арміей приказалъ И — му корпусу атаковать противника въ направленіи на сѣверо-восточный край мѣстечка Б. Главный ударъ наноситъ И, пѣхотная дивизія.

Для чего приказываю:

Лѣвый боевой участокъ: полковнику В. съ 4-ми батальонами А—скаго полка занять къ ... часамъ утра исходящее положеніе на участкѣ отъ роши, что у господ. дв. А до высоты ... исключительно...

Правый боевой участокъ: В — скому пѣхотному полку, подъ командой полковника М., къ тому же времени занять исходное положеніе правѣе А—скаго полка, что на участкѣ исключительно отъ высоты ... до деревни Б., смѣнивъ Р—скій пѣхотный полкъ.

Означеннымъ полкамъ смѣлымъ и энергичнымъ натискомъ овладѣть первой линіей непріятельскихъ окоповъ и закрѣпиться на нихъ.

Заговорили десятки, сотни орудій, пулеметовъ, бомбометовъ. Наши усилили огонь. Вотъ онъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ напряженія. Кругомъ творится какой-то невообразимый хаосъ, въ безумномъ, дикомъ вихрѣ пляшутъ стихіи.

Не испугался, не дрогнулъ сѣрый герой...

Вотъ они уже у проходовъ... Прошли ихъ, разсыпаются вправо и влѣво... Побѣжали, ринулись въ окопы...

Могучее, грозное «а-а а!» вырвалось изъ сотенъ тысячъ грудей и вмѣстѣ съ ревомъ орудій, рокотомъ пулеметовъ понеслось, покатилося далеко-далеко.

Наши батареи перенесли огонь на тылъ, ходы сообщеній, резервы противника.

Только тотъ, кто видѣлъ, кто пережилъ, почувствовалъ, — только тотъ можетъ понять, что за страшный, душу леденящій это былъ огонь. Его не опишешь, о немъ не расскажешь.

Противникъ, притаившись, видимо, только и ждалъ, когда двинутся въ атаку наши части. Съ безумнымъ дикимъ порывомъ отчаянія бросилъ онъ имъ навстрѣчу сотни орудій и пулеметовъ.

Наши прыгаютъ въ траншеи, завязывается страшный штыковой бой тамъ, въ окопахъ, въ лисьихъ норахъ противника.

Штыки, приклады, ручныя гранаты!..

Страшная безумная месть врагу за скорби, за униженіе.

Нѣтъ милости, пощады, — есть только сила, жажда смерти врагу.

Уже деревня Е.. охвачена полукольцомъ. Вотъ съ сѣверо-восточной стороны ворвались въ нее в—цы. Ихъ съ сѣверо-

запада, со стороны высоты ... встрѣтили контръ-атакой германцы. Схватились, сцѣпились въ смертельномъ штыковомъ бою... Вотъ а—цы ринулись, пройдя первую линію окоповъ, съ лѣвой стороны въ д. Е.

Нѣмцы не выдержали, — бѣгутъ къ высотѣ.

Десятки пулеметовъ косятъ оттуда фланговымъ огнемъ.

Вотъ въ сторонкѣ, почти рядомъ съ наблюдательнымъ пунктомъ, карьеромъ выкатился взводъ нашей 2-й батареи. Прямой наводкой лупить по окопамъ на высотѣ...

Наши уже ворвались въ д. Е. Уже ф. М. заняты нашими. Бѣгутъ ко второй линіи укрѣпленій.

Тамъ еще нѣсколько полосъ проволочныхъ загражденій, — нужно ихъ преодолѣть...

Уже вечеръ. Темнѣетъ... У второй линіи наши залегли.

Звоню къ командиру, прошу у него разрѣшенія перейти впередъ, ближе къ д. Е.

Мой телефѣнистъ уже тащитъ катушку съ проводомъ, а М. снимаетъ трубу. Лихорадочно бѣжитъ впередъ. Скорѣе бы добраться, добѣжать, — возстановить бы опять связь съ батареей. Помочь бы, если нѣмцы перейдутъ въ контръ-атаки, — помочь закрѣпиться.

Бѣжишь съ лихорадочной поспѣшностью впередъ, что-то несетъ тебя, точно на крыльяхъ.

Роемъ, точно мухи, навстрѣчу несутся пули. Ихъ не слышишь, не ощущаешь.

Только видишь и бѣжишь все впередъ... Скорѣе бы возстановить связь съ батареей.

Огромнымъ заревомъ пожара вспыхнула деревня Д. Догораютъ остатки ея.

Пришли на мѣсто, — новый наблюдательный пунктъ въ окопахъ первой линіи германцевъ. Они уже приспособляются, закрѣпляются нашими. Только наладили связь съ батареей. Спокойнѣе, бодрѣе чувствуешь себя.

А пушки гремятъ и гремятъ. Устало, какъ-то хрипло дробью пулеметы, «крякалки» германцевъ садятъ и садятъ по своимъ, а теперь уже нашимъ окопамъ. Однако, усталость, страшная нечеловѣческая усталость, чувствуется во всемъ. Глаза слипаются, валишься съ ногъ. Съ батареи передали, что мнѣ на смѣну идетъ поручикъ Д. Апатія, какое-то отупѣніе сковали тѣло, мозгъ. Сказывается страшная работа нервовъ, волевого напряженія.

Повели плѣнныхъ: ихъ около 300.

Санитары подбираютъ раненыхъ, собираютъ убитыхъ. Иногда пронесется страшный, душу раздирающій крикъ «ай-ай!» раненаго. Тамъ, гдѣ-то, крикнули «ура». Звучно, громко. Затрещали пулеметы, забухали опять батареи.

При каждомъ пополненіи новички вмѣстѣ со старыми отправлялись на развѣдку. Надо отдать справедливость этимъ пополненіямъ: они были большею частью изъ послѣднихъ призывовъ,—представители, такъ-сказать, «Молодой Россіи», потомки чудо-богатырей. И они, эти молодая силы Россіи, не только поддержали доблесть и славу своихъ предковъ, но во многомъ и превзошли ихъ. Сколько разъ приходилось удивляться хладнокровію и безразличному спокойствію этихъ юныхъ орлятъ во время ежедневнаго артиллерійскаго обстрѣла нашей позиціи. Ни разрывы обильно бросаемыхъ по насъ легкихъ и тяжелыхъ шрапнелей, ни даже непріятельскіе «чемоданы» не производили особеннаго страха на нашихъ юныхъ героевъ, у которыхъ въ концѣ созданъ особенный шикъ—при всякихъ порученіяхъ слѣдовать не по ходамъ сообщенія, а поверхъ окоповъ.

Не имѣя возможности противостоятъ нашему могучему наступленію, вотъ на какія хитрости пускаются австрійцы, по словамъ корреспондента ¹⁾).

— Ну, сегодня, братцы, сиди тихонечко, говоритъ артиллеристъ, пробираясь по рву къ телефону.

— Стрѣлять будете?

— Надо будетъ. По моему, я открылъ у нихъ новую батарею.

— Гдѣ?

— А вотъ посмотрите сюда. Видите бѣлый домъ со снятой крышей?

— Вижу.

— А за нимъ колокольню видите?

— Вижу.

— И куполъ видите?

— Вижу. Ну, такъ что же?

— А то, что до сегодняшняго дня ни колокольни, ни купола не было.

— Какъ же такъ?

— Очень просто.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 8 августа 1916 г.

— Но, надѣюсь, австрійцы у насъ еще церковей не строятъ?

— Разумѣется. Но они, дорогой мой, очень привыкли къ тому, что мы по церквамъ не стрѣляемъ.

— Ну?

— И ихъ поддѣлываютъ. Ставятъ вышку, увѣнчиваютъ ее куполомъ, на куполь громоздятъ блестящій крестъ и сажаютъ подъ эту штуку наблюдателя. Да, вотъ сейчасъ увидимъ

И артиллеристъ пошелъ къ телефону.

Минуть черезъ десять откуда-то сзади послышались выстрѣлы—наша ближайшая батарея открыла огонь. Сначала рѣдко, потомъ чаще и, наконецъ, высыпала подъ рядъ три очереди и замолкла.

Смотримъ въ трубу и дивимся: ни колокольни, ни купола нѣтъ.

-- Видѣли?

— Чортъ ихъ знаетъ...

— То-то и есть. А вы подумайте — если бы это была настоящая деревянная церковь, такъ она бы ужъ давно горѣла отъ такого обстрѣла, а здѣсь—ничего, ни дымка. Да и горѣть-то нечему: жерди рассыпались и куполь слетѣлъ... Вотъ и все. Просто!

Недавно видѣлъ на Вяндавскомъ вокзалѣ монахинь въ своемъ монашескомъ одѣяніи съ повязками Краснаго Креста. Такихъ монахинь не удавалось встрѣчать за все время войны.

5-го августа. Король Фердинандъ уѣзжаетъ въ Синайсо, а Братіано въ Флорику. Обыкновенно такъ поступаютъ политическіе дѣятели наканунѣ важныхъ событій.

11—14 августа. Германскій флотъ 6-го августа сдѣлалъ попытку войти въ Сѣверное море, въ составѣ 60 выпеловъ, но лишь только на горизонтѣ появились британскіе развѣдчики, какъ флотъ адмирала Шеера, показавъ кулакъ англичанамъ, возвратился восвояси. Германскій адмираль можетъ себя утѣшить тѣмъ, что германскія подводныя лодки взорвали два британскихъ развѣдочныхъ крейсера, но за то нѣмцы потеряли большой германскій линейный корабль типа „Нассау“, который при преслѣдованіи взорвала британская подводная лодка E23.

Такимъ образомъ вторичное появленіе большого герман-

скаго флота въ Сѣверномъ морѣ кончилось неудачей, и онъ обнаружилъ свое полное безсиліе передъ англійскимъ флотомъ.

За эти дни произошли событія большой исторической важности: первое—наступленіе на Балканахъ генерала Саррайля и второе—начало наступленія генерала Юденича надъ авантюрой германо-турецкихъ стратеговъ обойти его ловкій флангъ.

Контръ-маневры русскихъ войскъ на Кавказѣ противъ Изета-паши генералъ Юденичъ началъ разъединеніемъ войскъ Халиля-паши отъ войскъ Изеть-паши занятіемъ Ішнуэ, Кале къ югу отъ Урмійскаго озера, а затѣмъ разгромомъ у с. Раята, на Мосульскомъ направленіи, неподалеку отъ Ревандуза, 4-й турецкой дивизіи съ плѣненіемъ 10 и 11 турецкихъ пѣхотныхъ полковъ.

Задерживая первоначально съ фронта наступленіе турецкихъ войскъ, занявшихъ Мушь и Битлисъ, ген. Юденичъ перешелъ здѣсь въ наступленіе и взялъ г. Мушь. Другія части его войскъ перешли хребетъ Биниль-Дагъ и начали наступать противъ лѣваго фланга войскъ Изеть-паши въ Діарбекирскомъ направленіи. Къ какимъ результатамъ приведетъ эта операція нашего даровитаго полководца, узнаемъ вѣроятно скоро. Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщаетъ, что тамъ операціи развиваются успѣшно.

На западномъ фронтѣ съ 1-го по 15-ое августа были незначительныя передвиженія нашихъ войскъ; мѣстами частыя контръ-атаки противника и отраженіе ихъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ.

Въ Бухарестѣ въ воскресенье, 14 августа, при участіи румынскаго короля, всѣхъ министровъ и представителей партій состоится коронный совѣтъ.

Вяльгельмъ, какъ сообщаетъ „Агентство Вольфа“, отпраздновалъ день рожденія Франца-Іосифа въ австрійской главной квартирѣ, вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Фридрихомъ и генераломъ Фалькенгайномъ.

Послѣ официальнаго торжества состоялся военный совѣтъ, продолжавшійся свыше трехъ часовъ, затѣмъ кайзеръ отправился въ свою ставку.

Вопреки обыкновенію, никакихъ рѣчей кайзеръ не произносилъ.

Финляндскія масляныя фирмы ходатайствовали передъ сенатомъ о вывозѣ 60.000 пудовъ въ Англію и Швецію. Когда же петроградскіе купцы пожелали купить это масло, то они получили только 28.000 пудовъ и Петрограду приходится получать только изъ Сибири.

Видимо господамъ финляндцамъ желательнѣе и выгоднѣе спускать масло на западъ, въ Швецію, а по нашему мнѣнію просто въ Германію, черезъ Швецію.

Чудеса творять нѣкоторые послѣдователи князя Мещерскаго, умершаго редактора „Гражданина“; Булацель, редакторъ „Россійскаго Гражданина“, взятаго нынѣ подъ предварительную цензуру, позволилъ себѣ въ своей газетѣ крайне неприличную выходку противъ Англіи, нашей союзницы, и принужденъ былъ поѣхать извиняться къ англійскому послу.

Корреспондентъ „Нов. Времени“¹⁾ передаетъ, что на р. Стырѣ тянется рядъ деревень «колоній». Здѣсь жили до войны „лояльные“ колонисты, которые, когда пришли нѣмцы, встрѣтили ихъ съ распростертыми объятіями и съ вѣстью о нашемъ наступленіи покинули свои дома, уйдя за отступающими. Случайно оставшіеся здѣсь на мѣстахъ старики малороссы рассказывали мнѣ много интереснаго о жизни австро-нѣмецкихъ солдатъ. Между прочимъ изъ многихъ источниковъ въ разныхъ мѣстахъ тѣ же жители передавали, что нѣмцы съѣли всѣхъ собакъ и кошекъ, при чемъ жители даже присутствовали при этомъ. Одинъ охотникъ особенно горевалъ, рассказывая, какъ на сковородкѣ, принадлежавшей его старухѣ, зажарили его любимую гончую. „И собака пропала, да и сковородку испоганили, прости Господи“—говорилъ онъ со слезами на глазахъ.

Войска генерала Лечицкаго втиснули и забили въ Карпаты австрійскія войска и такимъ образомъ обезпечили свое лѣвое крыло.

Интересный необычный смотръ (первые шаги адмирала А. В. К. воспроизводитъ корреспондентъ Русскаго Слова)²⁾:
— Помню, недавно встрѣтился я съ пріятелями-морьяками въ Ялтѣ,—рассказываетъ писатель А. Тамаринъ на столбцахъ „Воен. Вѣстн.“.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 11 авг. 1916 г.

²⁾ „Русск. Сл.“ 14 авг. 1916 г.

Въ порту и на волнорѣзѣ суета. Толпы валятъ къ берегу.

— Что такое?

— Миноносцы пришли. Князь Т. со своими минометами.

Подхожу къ эскадренному миноносцу „С...“ и встрѣчаю одного изъ друзей, старшаго лейтенанта К—на, съ которымъ не встрѣчался 2 года.

— Откуда?

— Изъ-подъ Босфора. Ловили нѣмецкія подводки. Много ихъ нынче развелось.

— Удачно?

— Какъ сказать!? Одну, будто, усадили на доньшко. Масло показалось. Да и то хорошо, что отогнали ихъ отъ нашихъ береговъ. Вообще, нынче онѣ сократились.

— Какъ адмираль?

— Нашъ К.? Изумительный человекъ! Непонятно, когда онъ отдыхаетъ. Три дня мотался съ нами въ морѣ и не сходилъ съ мостика. Безсмѣнную вахту держалъ. Щуплый такой, въ дѣлѣ желѣзобетонный какой-то! Ни усталости, ни надрыва. Спокоенъ, веселъ и бодръ. Только глаза горятъ ярче. Увидить въ морѣ дымокъ, — сразу насторожится и радъ, какъ охотникъ. И прямо на дымъ.

— Небось, поражены старики ваши!

— Да что ужъ. Ошарашены! Конфузъ полный. Самъ съ мичманами на миноносцѣ рыскаетъ, турецкіе берега шарить. Я-то его знаю. Еще на „Пограничникъ“ передъ самой войной плавалъ съ нимъ.

— Да, о немъ много необычайныхъ исторій рассказываютъ!

— Еще бы! На четырехвесельномъ вельботѣ онъ 12 лѣтъ тому назадъ совершилъ небывалый по смѣлости переходъ по Ледовитому океану на островъ Беннета и затѣмъ съ вещами погибшаго барона Толя на томъ же вельботѣ возвратился обратно. Онъ же на старомъ скверномъ, катерѣ, выйдя ночью изъ Владивостока, потопилъ близъ Оленьихъ острововъ четыре японскихъ транспорта съ грузомъ и войсками. А что продѣлывалъ онъ въ эту войну съ нѣмцами! Слыхали, небось, какъ въ Либавскій портъ ворвался на хвостъ нѣмецкаго миноносца? Въ апрѣлѣ нагналъ миноносецъ „Кронпринцъ“, ворвался за нимъ въ либавскую гавань и у самага берега потопилъ его и транспортъ „Карлсбадъ“,

а самъ на своемъ миноносцѣ спокойно ушелъ. Здѣсь онъ всего двѣ недѣли, а знаетъ все, будто родился на нашей эскадрѣ. Наши старички и то ворчатъ. Что ни день, то новая работа, отвѣтственная, большая. Прежнихъ прогулочекъ нѣтъ, о нихъ забыли. Нынче—въ море, и пожалуйста бриться.

О А. В. К. говорятъ Севастополь, говорятъ Ялта, о немъ говорятъ всѣ.

Когда нѣсколько недѣль назадъ онъ пріѣхалъ въ Севастополь, на вокзалѣ его встрѣтили начальствующія лица. Старѣйшій изъ моряковъ, вице-адмиралъ Н., поздравилъ съ высокимъ назначеніемъ и выразилъ надежду, что черноморскія волны скоро увидятъ вымпелъ адмирала Колчака.

— Да, скоро!—пробормоталъ адмиралъ.—Черезъ полчаса.

И, къ общему удивленію, онъ прямо съ вокзала поѣхалъ на Царскую пристань и оттуда на простомъ яликѣ къ ближайшему миноносцу.

Черезъ нѣсколько минутъ на миноносцѣ гремѣли якорныя цѣпи, на мачтѣ гордо рѣялъ вымпелъ и взвивались сигнальные флажки:

„По дежурной бригадѣ. Усилить топку, поднять якоря. Въ кильватерѣ выходить въ море“.

Ничего непонимающіе командиры судовъ выполнили приказаніе адмирала. Эскадра вышла въ море. Большой эскадрѣ было приказано идти къ Анапѣ, а отрядъ миноносцевъ, подъ командой адмирала К., ушелъ далеко въ море, гдѣ нащупалъ шедшій къ Новороссійску крейсеръ „Бреслау“. Миноносцы погналы крейсеръ въ сторону нашей эскадры. На большомъ разстояніи произошелъ бой, извѣстный уже по реляціямъ. „Бреслау“ спасся бѣгствомъ только благодаря быстро наступившимъ сумеркамъ при густомъ молочномъ туманѣ.

Адмиралъ К. преслѣдовалъ «Бреслау» въ теченіе всей ночи на миноносцѣ.

Возвратившись въ Севастополь, адмиралъ выразилъ эскадрѣ благодарность за „смотръ“. При такихъ условіяхъ ни одинъ адмиралъ доселѣ не производилъ смотра своей эскадрѣ.

Объ адмиралѣ говорятъ много, говорятъ всѣ, а онъ, сосредоточенный, никогда не устающій, дѣлаетъ свое дѣло вдали отъ шумихи. Почти никогда не бываетъ на берегу, зато и берегъ спокоенъ.

Въ Ялтѣ нынче говорятъ:

— Настало мирное время: у насъ К. Можно спать спокойно. Теперь турки не сунутся.

— Вообще,—закончилъ г. Тамаринъ,—молодой адмиралъ за три недѣли своего командованія успѣлъ завоевать большія симпатіи моряковъ и «береговыхъ», и популярность его растетъ со дня на день.

Примѣчаніе. Командующимъ флотомъ Чернаго моря недавно опубликованнымъ Высочайшимъ указомъ назначенъ вице-адмиралъ А. В. Колчакъ.

15 августа. Наконецъ таки Италія объявила войну Германіи. Событіе это не вызоветъ особенно важныхъ послѣдствій, т. к. въ дѣйствительности обѣ державы уже давно воевали.

На разсвѣтъ 12 августа былъ произведенъ налетъ нашихъ гидроаэроплановъ на Варну, сбросившихъ бомбы въ портовые сооружеія, гавань и противоаэропланные батареи. Видны были попаданія бомбъ въ судно, стоявшее въ гавани, вызвавшія пожаръ на немъ, и въ мастерскія.

16 августа. День важнѣйшихъ событій. Румынія объявила войну Австріи — а Германія объявила войну Румыніи. Это событіе послѣдовало послѣ ряда двухъ-годовыхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Послѣдствія выступленія Румыніи трудно исчислить. Гдѣ же плоды такъ называемаго нѣкоторыми нѣмцелюбами таланта Вильгельма. Въ чемъ они выразились къ окончательному разсчету. Теперь почти вся Европа воюетъ. Не состоятъ въ войнѣ Швеція, Норвегія, Данія, Голландія, Швейцарія, Испанія и княжество Монако. — Скажемъ, доброе слово Россіи заслужилъ Сергѣй Дмитриевичъ Сазоновъ, по инициативѣ котораго состоялось свиданіе монарховъ въ 1914 г. въ Констанцѣ, давшее теперь-таки плодотворныя послѣдствія.

Передаютъ, что Фердинандъ болгарскій отправилъ недавно въ Вѣну своего наслѣдника Бориса, который въ австрійской столицѣ игралъ двойную роль. Онъ проявилъ себя всюду германофиломъ, и только съ однимъ лицомъ, принадлежащимъ къ семьѣ Бурбоновъ, молодой наслѣдникъ болгарской короны проявилъ чисто-франкофильскія чувства. Изъ этого

можно заключить, что Фердинандъ Кобургскій, совершенно не увѣренный въ будущемъ, думаетъ въ случаѣ пораженія Болгаріи отказаться отъ трона въ пользу своего сына, который въ этомъ случаѣ немедленно объявитъ себя сторонникомъ державъ согласія.

17—18 августа. Корреспондентъ „Новаго Времени“ Смолянновъ ¹⁾ передаетъ содержаніе фотографическихъ снимковъ, найденныхъ имъ въ блиндажѣ австрійскаго офицера.

Въ одномъ блиндажѣ, повидимому офицерскомъ, лежатъ брошенные принадлежности для фотографіи, печатныя рамки, ванночки и даже негативы.

На одномъ изображенъ австрійскій окопъ, снятый съ тыла. Благодаря рѣзкости снимка, отчетливо видны солдаты гонведа, стоящіе въ окопѣ, прислонясь къ брустверу спиной, и съ любопытствомъ, ярко запечатлѣвшимся на ихъ смѣющихся лицахъ, любующіеся истязаніемъ русскаго плѣннаго. Его, полураздѣтаго, четыре мадьяра повалили на землю и, навалившись на него всей тяжестью, удерживаютъ на землѣ ничкомъ, въ то время, какъ двое другихъ бьютъ его палками... Въ сторонѣ австрійскій офицеръ прицѣливается ему въ голову изъ винтовки.

На другомъ—сцена привязыванія къ столбу. Русскій солдатъ подвѣшенъ высоко надъ землей и, видимо, обезсилѣвъ, грузно опалъ всѣмъ тѣломъ, удерживаясь на вытянутыхъ, какъ плети, вывороченныхъ рукахъ. Поодаль тотъ же офицеръ, что и на первомъ снимкѣ, надрывается отъ смѣха...

Г. Егоровъ описываетъ въ „Новомъ Времени“ ²⁾ бой французскаго летчика съ нѣмецкимъ подъ Верденомъ.

Въ Верденѣ мнѣ пришлось видѣть поединокъ на воздухѣ: бой французскаго летчика съ нѣмецкимъ. Зрѣлище, захватывающее зрителя буквально до замиранія сердца.

Мы стояли на высокой земляной насыпи, сохранившейся отъ стариннаго бастіона вобановскихъ начертаній. Передъ нами открывался амфитеатръ холмовъ, мѣстами покрытыхъ лѣсомъ. Въ воздухѣ неподвижно висѣли пять-семь французскихъ привязныхъ шаровъ. Вдали, гдѣ холмы раздались, виднѣлся такой же нѣмецкій шаръ. Время отъ времени гремѣли раскаты тяжелыхъ орудій, посылая снаряды въ неви-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 17 авг. 1916 г.

²⁾ Тамъ же.

димую съ нашего мѣста цѣль. Небо въ разныхъ мѣстахъ покрыто тающими и вновь нарождающимися клочьями маленькихъ облачковъ—слѣдами разрыва снарядовъ воздухо-бойныхъ орудій.

— Смотрите: бошь.

Я различаю въ небѣ рѣзкую черту. Она растетъ, раздвигается. Становятся различимыми очертанія двупланнаго самолета. Размѣры его непрерывно увеличиваются: онъ идетъ прямо къ намъ. Подъ нимъ начинаютъ рваться снаряды, но онъ плыветъ на много выше ихъ и не мѣняетъ курса.

Вскорѣ невдалекѣ отъ него появляется другой самолетъ. Откуда онъ взялся? И почему наша артиллерія перестала стрѣлять въ него?

— Это нашъ,—говоритъ офицеръ.—Начнется перепалка.

Нѣмецъ идетъ почти прямо къ намъ и поэтому его перемѣщеніе въ пространствѣ для насъ едва уловимо. Кажется, что онъ еле движется. Французъ летитъ наперерѣзъ ему, и его движеніе все на виду. Какъ будто онъ настигаетъ нѣмца, а тотъ стоитъ на мѣстѣ. На самомъ дѣлѣ это зрительный обманъ: они оба летятъ съ одинаковой скоростью, сближаясь подъ угломъ.

Наконецъ ихъ курсы пересѣклись. Нашъ летчикъ внезапно взмываетъ въ высь, дѣлаетъ крутой поворотъ, чуть не опрокидываясь на крыло, и

— Пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ,— это онъ сыплетъ выстрѣлами изъ пулемета въ нѣмца, летящаго ниже. Нѣсколько мгновеній тянутся, какъ вѣчность. Неужели не попадетъ? Хоть одной пулей? Хоть царапнетъ?

Безъ результата. Самолеты на разбѣгѣ разлетаются въ разные стороны. Нѣмецкій летчикъ выходитъ изъ круга обстрѣла и поворачиваетъ въ сторону своихъ линій. Неужели такъ и уйдетъ?

Французъ опять дѣлаетъ крутой поворотъ, ловитъ противника въ линію пулемета и вновь сыплетъ выстрѣлами: пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ; пафъ-пафъ-пафъ. И на этотъ разъ все мимо. Какая обида! Но что это съ нѣмцемъ? Онъ наклоняется на крыло, становится отвѣсно, безсильно падаетъ внизъ. Сначала прямо, камнемъ, а черезъ нѣсколько мгновеній—колеблясь, какъ мертвый листъ. Наконецъ-то!

Убитъ? Раненъ? Разобьется на смерть?

— Увидимъ,—отвѣчаетъ офицеръ.

Къ моему удивленію, машина, только-что падавшая

мертвымъ листомъ, останавливается въ воздухѣ, выпрямляется и вновь круто поднимается вверхъ. Какъ ни въ чемъ не бывало. Уходить, уходить. Но французъ вновь бросается за ней ястребомъ, обгоняетъ, даетъ полукругъ и вновь сыплетъ выстрѣлами. На голубомъ небѣ рѣзко вырисовываются очертанія обоихъ самолетовъ, рѣзко звучитъ дробь пулемета. А-а!—раздается подлѣ меня. Кто-то не выдержалъ напряженія и разразился восклицаніемъ: „падаетъ, падаетъ“.

Самолетъ нѣмца повернулся на крыло, сверкнулъ на солнцѣ всею своею поверхностью и, сіяя, ринулся внизъ. Какъ и въ первый разъ, онъ съ каждымъ мгновеніемъ увеличиваетъ свою скорость. Его еле можно замѣтить. Но вотъ его опять видно яснѣе. Колеблется, какъ кленовый листъ, сорванный съ дерева вѣтромъ. Падаетъ ниже и ниже, однако не столь стремительно. Въ нѣсколько секундъ, можетъ быть пять, можетъ быть двадцать, онъ упалъ, на полверсты, на полторы версты—я не знаю, насколько.

Еще нѣсколько мгновеній, и отъ него останется горсть щепокъ, обрывковъ спутанной проволоки, клочковъ шелковой матеріи и мокрое красное пятно.

Но онъ не упалъ и, кажется, всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Совсѣмъ близко отъ земли нѣмецъ справился съ своею машиной, выровнялъ ее и низомъ-низомъ, словно сконфуженный, не осмѣливаясь подняться въ высь еще разъ, полетѣлъ въ свои линіи. Сколько разказовъ принесетъ онъ своимъ товарищамъ. Дважды около него стояла неминуемая смерть. И оба раза своимъ хладнокровіемъ и искусствомъ онъ ушелъ отъ удара занесенной косы.

— Какъ странно, говорю я: нѣмецъ самъ шелъ навстрѣчу нашему летчику; а когда они сблизились, онъ какъ будто уклонился въ сторону, чтобы убѣжать.

— Объясненіе простое. Нашъ самолетъ одномѣстный; пулеметъ у него находится наверху и бьетъ по линіи движенія. Бошъ—это былъ авіатикъ—двухмѣстный. Пулеметъ у него стоитъ, какъ и на нашихъ машинахъ, подобныхъ типовъ, не наверху плана, а на гондолѣ, почти у самой оси пропеллера. При такомъ положеніи онъ не можетъ бить прямо впередъ: слишкомъ много пуль попадало бы въ лопасти пропеллера. Пулеметъ у него перемѣщается по периламъ вправо и влево такъ, чтобы пули не задѣвали лопастей. Другими словами, самолетъ для боя долженъ стать къ цѣли нѣсколько бокомъ.

— Нашъ самолетъ, какъ я отчетливо видѣлъ, описалъ передъ началомъ стрѣльбы кривую.

— Они сблизились подь угломъ. Это давало бошу возможность открыть огонь. Нашъ летчикъ, пользуясь скоростью своей машины, круто уклонился отъ своего курса и затѣмъ сталъ прямо по линіи полета непріятеля. Это дало ему возможность открыть огонь первому, а вы видѣли результатъ. Чтобы спастись, бошъ упалъ внизъ.

— Какимъ образомъ возможно стрѣлять сквозь пропеллеръ? Вѣдь пули должны попадать въ лопасти.

— Лопасть на окружности закрываетъ около 10 градусовъ. Двѣ лопасти—20, т.-е. одну восемнадцатую часть всей окружности. Если бы пулеметъ выпускалъ непрерывно струю пуль, то каждая восемнадцатая пуля попадала бы то въ одну, то въ другую лопасть пропеллера. Остальныя же пули пройдутъ въ промежутки прямо по назначенію.

— Но во всякомъ случаѣ достаточно одной пули, чтобы разбить деревянный пропеллеръ и сверзиться затѣмъ стремглавъ на землю.

— Вы, очевидно, не замѣтили, какъ устроенъ пропеллеръ на самолетахъ этого типа. Лопасти его въ угрожаемыхъ мѣстахъ подкрѣплены стальными пластинками. Пули отъ нихъ отражаются, не вредя самой лопасти. Но есть и другія машины, на которыхъ пулеметъ бьетъ сквозь ось пропеллера. Вы ихъ вѣроятно еще не видѣли.

Въ Американскомъ «New-York Times» появилось недавно воззваніе къ американскому народу императора Вильгельма. Это воззваніе сопровождается нѣсколькими строками воспоминанія о пребываніи въ обществѣ кайзера американскаго судьи изъ нѣмцевъ Альфреда Нипперта: «24 іюня кайзеръ прибылъ подь Верденъ привѣтствовать сына по поводу одержанной (?) имъ побѣды. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, кайзеръ пригласилъ меня къ столу. За обѣдъ село 15 человекъ. Императоръ былъ въ превосходномъ настроеніи. Обѣдъ состоялъ изъ простокваши, лучшей, какую я ѣлъ въ жизни (!), изъ щуки подь бѣлымъ соусомъ, жареной телятины съ горошкомъ, цвѣтной капусты и клубники со сливками и золотистаго рейнскаго вина. Послѣ обѣда кайзеръ, закуривъ любимую, свою турецкую папирску, пригласилъ меня прогуляться. Во время этой прогулки кайзеръ много говорилъ о томъ, что онъ вынужденъ былъ объявить эту войну». Далѣе восторженный судья изъ нѣмцевъ говоритъ: «Продолжительная бесѣда съ императо-

ромъ убѣдила меня, что Гогенцоллерны вообще и въ частности императоръ Вильгельмъ принадлежать къ тѣмъ немногимъ монархамъ, которые являются вѣрными слугами своего народа». Эготъ же судья удостовѣряетъ передъ своими соотечественниками, что Реймскій соборъ стоитъ не поврежденнымъ, за исключеніемъ незначительныхъ готическихъ украшеній; въ лувенской ратушѣ нѣтъ ни одной царапины».

Плохо приходится кайзеру, если ему приходится прибѣгать къ такимъ защитникамъ, какъ судья гражданского суда въ Цинцинатти, Ниппертъ!¹⁾

Событія высокаго историческаго значенія развертываются передъ нашими глазами. Русскія войска перешли на румынскую территорію, а румыны вторглись въ Венгрію. «Одесскія Новости» извѣщаютъ такъ о Русскихъ войскахъ²⁾:

«Русскія войска, перешедшія на румынскую территорію, всюду встрѣчаются восторженно, съ рѣдкимъ энтузіазмомъ. Населеніе проявляетъ къ русскимъ войскамъ горячее чувство симпатіи, прося исполненія русскаго гимна. Возложенныя на русскія войска операціи выполняются блестяще, и это вызываетъ восторгъ среди румынъ, готовыхъ въ самомъ близкомъ будущемъ слѣться съ русскими для борьбы съ общимъ врагомъ».

О предстоящемъ выступленіи румынскихъ войскъ румынскій посланникъ въ Парижѣ передаетъ такъ³⁾:

Въ тотъ моментъ, когда мы получили сообщеніе, что австро-германское правительство уже имѣетъ въ своихъ рукахъ нашу ноту объ объявленіи войны, наши войска бросились на непріятельскую территорію. Эту внезапную атаку мы подготовили безъ всякаго шума, мы захватили ея австрійцевъ врасплохъ. Именно, чтобы обезпечить успѣхъ этому первому натиску, — насколько это было возможно и въ вашихъ силахъ, — мы до послѣдней минуты, несмотря на нервнось общественнаго мнѣнія, сохраняли въ полной тайнѣ точный срокъ нашего вмѣшательства въ войну. Намъ пришлось сдѣлать все быстро и направить наши усилія туда, гдѣ находятся интересы Румыніи, т.-е. къ сѣверу.

Австро-германскій генеральный штабъ сообщаетъ черезъ Копенгагенъ о наступленіи румынъ 15 августа:

¹⁾ «Нов. Вр.» 17 авг. 1916 г.

²⁾ «Рус. Сл.» 18 августа 1916 г.

³⁾ Тамъ же.

На фронтѣ престолонаслѣдника, въ районѣ юго-восточныхъ и восточныхъ пограничныхъ высотъ слышались со стороны Румыніи первые выстрѣлы противъ насъ. Въ проходѣ Красной башни и въ проходахъ къ югу отъ Брасо начались авангардные бои.

Отъ 17 августа слѣдуетъ такое сообщеніе:

Во всѣхъ проходахъ на румыно-венгерской границѣ, на протяженіи 600 километровъ, наши войска вступили въ бой. Непрiятель встрѣтилъ всюду упорное сопротивленіе. Однако, сильныя румынскія обходныя колонны продвинулись такъ далеко, что наши передовыя отряды вынуждены были планомерно отойти на тыловыя, заранѣе приготовленныя позиціи.

Извѣстіе о выступленіи Румыніи произвело во всѣхъ странахъ огромное впечатлѣніе. Оно отозвалось въ сильной степени въ Австріи, Германіи, Франціи, Англии, Италіи, Японіи и по всей Россіи.

Въ Австріи и Германіи впечатлѣніе было удручающее и угнетенное. По обыкновенію набросились на ошибки своей дипломатіи.

Дабы сгладить это невыгодное впечатлѣніе, кайзеръ съ свойственнымъ ему бахвальствомъ объявилъ войну Румыніи, по рѣшенію союзаго совѣта.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему вѣсть о выступленіи Румыніи произвела повсюду такое потрясающее впечатлѣніе. Отвѣтъ на это ужъ давно послѣдовалъ въ неоднократныхъ неосторожныхъ предсказаніяхъ нѣмецкихъ газетъ, которыя много разъ повторяли, что Румыніа пойдетъ только съ побѣдителями.

Теперь всѣмъ стало ясно, какъ дважды два четыре, что если постоянно колеблющаяся Румыніа стала на сторону державъ согласія, то за ними несомнѣнная побѣда. Остается невыясненнымъ отмѣнно глупое положеніе Греціи.

Первоначально съ большимъ недоумѣніемъ отнеслись къ выступленію Румыніи японцы.

Оно и понятно, почему потомкамъ самураевъ было очень непріятно сознавать, что изъ всѣхъ союзныхъ державъ согласія одна только Японія не повела своихъ войскъ противъ австро-германцевъ въ Европѣ. Давно пора выступить японскимъ войскамъ.

19 августа на мѣсто генерала фонъ-Фалькенгайна началь-

никомъ полевого генеральнаго штаба назначенъ фельдмаршалъ Гинденбургъ; генераль-квартирмейстеромъ назначенъ генераль Лундендорфъ.

Отставка Фалькенгейна и назначеніе Гинденбурга начальникомъ штаба дѣйствующихъ силъ армій и Лундендорфа — главнымъ квартирмейстеромъ вызвали въ Берлинѣ сенсацию.

Въ политическихъ и военныхъ кругахъ полное недоумѣніе. Ломають голову надъ загадкой, чѣмъ вызвана опала Фалькенгейна, который особенно вошелъ въ фаворъ кайзера послѣ дерзкой рѣчи въ рейхстагъ по поводу пресловутаго цабернскаго скандала. Кайзеръ демонстративно приблизилъ тогда къ себѣ Фалькенгейна, карьера котораго быстро пошла вверхъ. Фалькенгейнъ являлся застрѣльщикомъ кампаніи противъ графа Мольтке. На военномъ совѣтѣ послѣ пораженія на Марнѣ Фалькенгейнъ, въ присутствіи кайзера, подвергъ уничтожающей критикѣ планъ дѣйствій Мольтке и добился своего назначенія на его постъ. Послѣ прорыва на Дунайцѣ кайзеръ обратился къ Фалькенгейну съ рескриптомъ, въ которомъ приписывалъ успѣхъ этого дѣла именно ему. Въ послѣднее время, правда, въ руководящихъ кругахъ замѣчалось разочарованіе талантами Фалькенгейна, особенно сказавшееся послѣ побѣдъ Брусилова и успѣховъ союзниковъ на западномъ фронтѣ. Фалькенгейну вѣняли въ вину то, что онъ не оцѣнилъ русскихъ силъ и слишкомъ довѣрился эргерцогу Фридриху, убѣдившему Фалькенгейна въ неприступности австрійскихъ укрѣпленій въ Буковинѣ и Галиціи.

Вообще же, назначеніе Гинденбурга подняло надежду нѣмцевъ. Газеты горячо привѣтствуютъ это назначеніе, воспѣваютъ гимны кайзеру, призвавшему на отвѣтственный постъ популярнѣйшаго въ странѣ вождя, и совѣтуетъ вѣрить Гинденбургу.

— Если германскому государственному кораблю суждено выбраться изъ бушующаго моря вражескихъ силъ, — пишутъ нѣмцы, — то этого можетъ достигнуть только Гинденбургъ ¹⁾.

Какъ бы тамъ ни было у нѣмцевъ, но вѣтъ всякаго сомнѣнія, что кайзеръ считаетъ ихъ положеніе несомнѣнно плохимъ если отвлекаетъ съ фронта въ штабъ нелюбимаго имъ Гинденбурга и уже въ третій рядъ мѣняетъ своего начальника штаба.

¹⁾ „Рус. Сл.“ 19 авг. 1916 г.

Румынская главная квартира сообщаетъ:

Союзныя Императорскія Россійскія войска начали проходить Добруджу и встрѣчены населеніемъ съ энтузіазмомъ. Боевыя единицы русскаго флота прибыли въ Констанцу и содѣйствуютъ оборонѣ побережья Чернаго моря.

Сообщаютъ о первомъ столкновеніи румынскихъ войскъ съ австрійскими.

Австрійскія позиціи были обойдены обходными колоннами румынъ, и австрійцы вынуждены были быстро отступить.

Захвачено въ плѣнъ болѣе 2.000 австрійцевъ, въ томъ числѣ много офицеровъ.

СТОНГОЛЬМЪ, 18 (31), VIII. Изъ Вѣны сообщаютъ:

Въ оффиціальномъ австрійскомъ сообщеніи такъ говорится объ успѣшномъ наступленіи румынскихъ войскъ:

— Выдвинутыя впередъ австро-венгерскія войсковыя части, расположенныя на границѣ, шагъ за шагомъ планомѣрно отступаютъ, согласно распоряженіямъ, сдѣланнымъ еще задолго до начала войны. Румыны заняли Петрочени, Кронштадтъ, Кайзди-Вашаргель. Австро-венгерскія войска ведутъ бой съ сѣверными румынскими отрядами въ горахъ Берги.

По примѣру кайзера Турція объявила войну Румыніи. Вотъ, что творить для родины жалкій холопъ Вильгельма Эверъ паша. Радославовъ также полагаетъ, что Болгарія должна объявить войну Румыніи. Сербскія войска вступили въ Румынію, подъ начальствомъ Стефана Гаджича. Гаджичъ герой турецкой и настоящей войны.

20 авг. на фронтъ прибыли новые аппараты. Ихъ стали собирать и испытывать. На одинъ аппаратъ летчикъ посадилъ добровольца малоросса пулеметчика и пошелъ на пробу.

Рѣзкій толчокъ въ бокъ заставилъ, однако, пулеметчика отвлечься отъ своихъ мыслей. Живо встрепенувшись, онъ впился глазами въ бритое, энергичное лицо офицера, что-то кричавшаго ему, но что—за шумомъ машины разобрать не было никакой возможности. Наконецъ, кое-какъ знаками свободной руки и кивками головы, офицеру удалось

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 авг. 1916 г.

обратить вниманіе своего спутника на другой аэропланъ, показавшійся справа и, повидимому, идущій ему наперерѣзъ.

— Що же вінъ, куда лѣзе?—думаетъ пулеметчикъ, но сосѣдъ не даетъ ему размышлять, спокойно и настойчиво, знаками требуетъ открыть огонь по встрѣчному аэроплану.

— Отъ-то штука какая! Германъ иде...

И пулеметчикъ завозился около своего привычнаго пулемета, но встрѣчный аэропланъ уже уклонился вправо и обстрѣливать его не было невозможно. Зато нѣмцу удалось выпустить часть ленты: пули просвистѣли надъ головой, пробивая крыло, одна засѣла въ сидѣннѣ. Аппаратъ дрогнулъ, но не отъ попаданій, а отъ крутого поворота, сдѣланнаго летчикомъ, очевидно рѣшившимъ идти прямо навстрѣчу нѣмцу.

Но нѣмецъ принялъ вызовъ, и аппараты начали быстро сближаться...

Выведенный свистомъ пуль изъ своего равнодушія, пулеметчикъ буквально сросся со своимъ пулеметомъ, не обращая вниманія ни на то, что дѣлается кругомъ, ни на то, что летчикъ все живѣе и живѣе машетъ ему рукой, указывая на пулеметъ, очевидно, требуя отъ него открытія огня, теперь все вниманіе хохла обращено только на нѣмца.

А нѣмецъ все ближе, ближе...

Положеніе тяжелое. Весь вопросъ въ томъ—кто раньше откроетъ огонь. И летчикъ твердой рукой направляетъ машину, стараясь уклониться отъ ея огня и въ то же время слѣдя за каждымъ движеніемъ пулемета, чтобы вывести его на линію кратчайшаго обстрѣла.

Вотъ уже близко. Кажется, до него не болѣе полуторы тысячи шаговъ,—но нашъ пулеметъ молчитъ,

— Да стрѣлай же, стрѣлай же, чортъ возьми!—надрываясь, кричитъ летчикъ сосѣду въ самое ухо.

Но пулеметъ молчитъ, а нѣмецъ уже такъ близко, что въ узкую щель между планами его аппарата рѣзко вырисовываются фигуры летчика и наблюдателя...

— Та-та-та та... Коротко, отрывисто и всего одиннадцать разъ щелкнулъ нашъ пулеметъ, и нѣмецъ, будто оборвавшись, круто пошелъ книзу. Слѣдомъ за нимъ сталъ снижаться нашъ.

Нѣмецъ разбился. Отъ его аппарата остались жалкіе обломки, вокругъ которыхъ столпились солдаты, офицеры...

Среди ихъ оживленнаго говора плавно садится на землю нашъ аппаратъ.

— Что же ты раньше-то въ него не стрѣлялъ?..—кричитъ летчикъ на своего равнодушнаго спутника, медленно вынимающаго изъ гондолы пулеметъ.

— На мушку не словивъ...—мрачно отвѣчаетъ онъ, не отрываясь отъ своего дѣла...

Послѣ продолжительнаго затишья въ частяхъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго нашихъ фронтовъ завязались бои, при чемъ за одно 18 августа взято въ плѣнъ 289 офицеровъ, 15.501 нижній чинъ, 6 орудій, 55 пулеметовъ и 7 бомбометовъ.

На Кавказѣ въ районѣ Огнута, на полпути между Эрзерумомъ и Діарбекиромъ, а также къ западу отъ районовъ Полисни-Ханы и Эрзинджана турки повели наступленіе.

Румыны успѣшно продолжаютъ наступленіе.

Между Болгаріей и Румыніей прерваны дипломатическія сношенія.

Курсъ нашего рубля поднимается.

Въ Петроградъ прибыла японская миссія и здѣсь повсюду ее чествуютъ.

Въ „Русскомъ Словѣ“¹⁾ приведены интересныя подробности о Румынскомъ коронномъ совѣтѣ:

Засѣданіе короннаго совѣта длилось около трехъ часовъ. Судя по многимъ подробностямъ, которыя извѣстны отъ нѣкоторыхъ участниковъ совѣта, засѣданіе имѣло выдающійся интересъ. Самымъ замѣчательнымъ событіемъ совѣта было то, что король, объ истинныхъ намѣреніяхъ котораго мало кто имѣлъ обоснованное мнѣніе, явился на засѣданіе не съ сомнѣ-

¹⁾ „Русс. Сл.“ 20 авг. 1916 г.

ніемъ, ищущимъ вразумленія и внѣшней опоры, а съ твердой волей связать судьбу Румыніи съ Россіей и ея союзниками. Это онъ очень сильно подчеркнул въ первой своей рѣчи, которою онъ открылъ совѣтъ. Король сказалъ, что къ этому рѣшенію онъ пришелъ послѣ зрѣлаго обсуждения всѣхъ обстоятельствъ войны, и въ доказательство твердости и искренности своего рѣшенія король сдѣлалъ признаніе, что въ этомъ вопросѣ ему надо было побѣдить самого себя, и что это побѣду онъ одержалъ для объединенія румынякаго народа. Нужна война. Долгъ короля дать династіи эту всѣну, сдѣлать ее въ единеніи со всей націей.

Король сказалъ далѣе, что вполне отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что война будетъ трудная и, быть-можетъ, продолжительная, но это не должно отвратить рѣшенія. Румынія можетъ быть создана только путемъ борьбы и жертвъ. Если будетъ упущенъ этотъ моментъ, то другого не будетъ.

— Мы,—сказалъ король,—не призывали этой войны, но она пришла при такихъ условіяхъ, что уклониться отъ нея—значитъ измѣнить долгу.

Въ заключеніе король сказалъ, что вопросъ о войнѣ имъ рѣшенъ безповоротно, и у собравшихся онъ просить не совѣта, а поддержки. Въ священномъ для Румыніи дѣлѣ нужно полное національное единеніе, и объ этомъ просить совѣтъ. Рѣчь короля произвела на присутствовавшихъ глубочайшее впечатлѣніе.

— Я желалъ бы выслушать мнѣніе несогласныхъ со мною,—сказалъ затѣмъ король и остановилъ свой взглядъ на Карпъ.

Но Карпъ предпочелъ имѣть мишенью для нападокъ не самого короля, а только единомышленниковъ.

— Я хотѣлъ бы,—возразилъ онъ,—познакомиться съ соображеніями предсѣдателя совѣта министровъ.

Король предложилъ слово Братіану.

Очень обстоятельная рѣчь Братіану была посвящена оправданію его политики за послѣдніе два года, и для нѣкоторыхъ изъ его противниковъ,—напримѣръ, для Филипеску,—явилась волнующей неожиданностью. Они не подозрѣвали, что у Братіану, на-ряду съ дипломатической ловкостью, имѣется стройная государственная мысль.

— Противоположность интересовъ Румыніи и Австріи,—началъ Братіану,—мнѣ стала ясна еще въ 1912 году во время балканской войны, когда пришлось выбирать между

Болгаріей и Сербіей. Съ того времени каждый день приносили новыя доказательства неестественнаго участія Румыніи въ союзѣ центральныхъ державъ. Въ началѣ войны 1914 года я изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ австро-венгерскимъ посланникомъ Черниномъ вынесъ убѣжденіе, что Венгрія не сдѣлаетъ Румыніи никакихъ существенныхъ уступокъ, и что отъ союза съ Австріей и Германіей намъ ждать нечего. Последнее оправданіе нашего участія въ союзѣ исчезло съ Выступленіемъ Италіи. Италія представляла въ тройственномъ союзѣ ту каплю латинской крови, которая дѣлала для насъ этотъ союзъ хоть сколько-нибудь терпимымъ. Наше участіе въ войнѣ на сторонѣ державъ согласія стало исторической необходимостью, но въ началѣ войны цѣлый рядъ обстоятельствъ мѣшалъ нашему выступленію, и необходимо было выждать. Съ теченіемъ времени побѣда Германіи стала сомнительной. Теперь она невѣроятна.

— Я отлично понимаю, — продолжалъ Братіану, — что нелегкое дѣло предлагаю Румыніи. Насъ ожидаетъ суровая борьба, можетъ-быть, даже неуспѣхъ. Но мы обязаны вступить на этотъ путь. Съ тѣхъ поръ какъ я подписалъ съ четырьмя великими державами дипломатическое соглашеніе, вопросъ о Великой Румыніи пересталъ быть этнографическимъ и сталъ вопросомъ политическимъ. Теперь или позже, но онъ будетъ рѣшенъ въ духѣ нашихъ стремленій. Если мы не выступимъ, мы теряемъ все. Но не одними интересами и не однимъ трезвымъ расчетомъ опредѣляется позиція Румыніи. Въ настоящей войнѣ есть національная мораль, и есть политическая честь. Вспомните о героическомъ примѣрѣ Пьемонта. Михайлъ Храбрый потому сталъ героемъ румынской исторіи, что первый боролся за объединеніе румынской націи. Только тѣ, которые будутъ бороться за объединеніе народа, достойны исторической славы Михаила. Предлагая королю войну, я исполняю свой долгъ одновременно передъ Румыніей, передъ королемъ, передъ династіей.

Филипеску, и Таке Іонеску, два года боровшіеся за выступленіе Румыніи на сторонѣ державъ согласія, ограничились въ этомъ совѣтѣ краткими рѣчами. Они горячо поддерживали Братіану и привѣтствовали его.

Таке Іонеску, между прочимъ, сказалъ, что Румынія обязана выступить и въ томъ случаѣ, если ее ждетъ пораженіе. Румынія, не пожелавшая бороться въ настоящемъ, потеряетъ всякое право на побѣду въ будущемъ. Румынскій король, кото-

рый переступить черезъ Карпаты, будетъ величайшимъ національнымъ королемъ Румыніи. Сегодняшній день показалъ всѣмъ, что въ Румыніи царствуетъ не иноземная династія.

Король снова обращается къ совѣту съ рѣчью, въ которой еще разъ заявляетъ, что вопросъ о войнѣ имъ предрѣшенъ, и проситъ помнить, что историческая отвѣтственность за этотъ шагъ падаетъ на всю Румынію и противниковъ выступленія одинаково: это—дѣло національное. При этихъ словахъ король всталъ и сказалъ:

— Съ Божіей помощью впередъ!

Засѣданіе совѣта закончено. Первыми покинули дворецъ германофилы. Участники совѣта были поражены твердостью и тонкими сужденіями короля.

Таке Іонеску говорилъ мнѣ сегодня:

— Я убѣлся, что въ Румыніи есть король, а для политическаго дѣятеля это большое счастье.

Король возвратился изъ загороднаго дворца въ городской подъ вечеръ. Онъ самъ правилъ автомобилемъ и былъ одѣтъ въ походную форму.

Толпа устроила ему восторженную овацію.

21 августа. Развертываются событія великой исторической важности. Наше грозное наступленіе на Западномъ фронтѣ продолжается. На Кавказскомъ фронтѣ турки выбиваются изъ силъ, производя въ южныхъ направленіяхъ контръ-атаки. Наступленіе въ Трансильваніи идетъ успѣшно.

22 августа. На Злочевскомъ и Галичскомъ направленіи бои продолжаются. Нѣмцы направили туда подкрѣпленія изъ Германіи, Франціи и Турецкій Лѣвый флангъ ген. Лечицкаго успѣшно продвигается въ Карпатскихъ проходахъ. На рижскомъ фронтѣ германцы повели наступленіе противъ латышскихъ батальоновъ, которые контръ-атакой отбросили нѣмцевъ съ громадными потерями.

На Кавказскомъ фронтѣ Изеть-паша дѣлаетъ отчаянныя попытки наступленія отъ Огнута до Кыги. Въ Греціи внутреннія волненія,

23 августа. Сегодня годовщина вступленія Государя Императора въ Верховное Главнокомандованіе Дѣйствующей арміей и флотомъ.

29—31 августа. Наши войска успѣшно дѣйствуютъ въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ районѣ горы Капуль, а на Кавказѣ мы овладѣли пирамидальной горой. Французы и англичане дѣйствовали за эту недѣлю успѣшно.

Работы особаго совѣщанія по установленію твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ окрылили спекулянтовъ. Во многихъ городахъ съ рынковъ привозились хлѣбъ и мука.

Спичечный синдикатъ довелъ стоимость спичекъ до небывалыхъ размѣровъ: стоимость ящика спичекъ обходится фабриканту въ 19 рублей, а синдикатъ назначилъ 40 и 42 рубля. Каково бѣднымъ людямъ. Скоро и спичку зажечь будетъ не подь сяю.

Скупщики различныхъ фирмъ разъѣзжаютъ по обильнымъ лѣсомъ мѣстамъ и разыскиваютъ продающіяся лѣсныя земли.

Вотъ какъ справляли въ Царской Ставкѣ 23 августа годовщину Верховнаго Командованія нашими арміями и флотомъ Государемъ Императоромъ ¹⁾:

Въ 10 часовъ утра Его Величество Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ и Августѣйшія Дочери Ихъ Величествъ, Великіе Князья: Борисъ Владиміровичъ, Георгій Михайловичъ и Сергѣй Михайловичъ, дежурный флигель-адъютантъ Князь Игорь Константиновичъ, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генераль-адъютантъ Алексѣевъ, лица Государевой свиты и всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго направились въ штабную церковь на молебенъ.

Ихъ Величества, встрѣченные протопресвитеромъ отцомъ Шавельскимъ съ крестомъ, были привѣтствованны глубоко почувствованнымъ словомъ, въ которомъ высказана была радость о счастливомъ періодѣ кампаніи съ того момента, какъ Его Величество непосредственно руководить русскими силами.

¹⁾ „Русс. Сл.“ 25 авг. 1916 г.

Закончилъ о. протопресвитеръ слѣдующими словами: «Вѣрно-подданные чины Вашего штаба, готовые послужить Вамъ до послѣдней капли крови, сегодня предстали передъ лицомъ незримо обитающаго здѣсь Господа, чтобы колѣнопреклоненно возблагодарить Его за все, что Онъ черезъ Васъ явилъ намъ,—за то, что Онъ съ высоты Престола Своего благословилъ принятый Вами на Себя подвигъ; за то, что Онъ цѣлымъ и невредимымъ сохранилъ Васъ; за то, что Онъ всему міру показалъ плоды трудовъ Вашихъ,—и молитъ Господа, да и впредь не отступаетъ отъ Васъ благодать и милость Его, да поможетъ Онъ Вамъ достичь той надъ врагами побѣды, которая навѣки прославила бы Ваше имя и возвеличила Ваше царство».

Послѣ молебна Государь Императоръ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ направился въ помѣщеніе штаба, гдѣ были принесены поздравленія Его Императорскому Величеству начальникомъ штаба генераль-адъютантомъ Алексѣевымъ, походнымъ атаманомъ Великимъ Княземъ Борисомъ Владиміровичемъ, состоящимъ при Его Императорскомъ Величествѣ Верховномъ Главнокомандующемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, полевымъ генераль-инспекторомъ артиллеріи Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михайловичемъ и начальниками отдѣльныхъ управленій и канцеляріи штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Его Величество, милостиво принявъ поздравленія, обратился къ присутствовавшимъ со словами благодарности за службу, выразивъ при этомъ надежду, что, съ Божіей помощью, при дальнѣйшей дружной работѣ Его штаба и предводимыхъ Его Императорскимъ Величествомъ доблестныхъ арміи и флота все еще сильный врагъ будетъ побѣжденъ.

Наканунѣ Государю Императору благоугодно было осчастливить начальника штаба слѣдующимъ Высокомилостивымъ Собственноручнымъ рескриптомъ:

«Благодарю васъ, дорогой Михаилъ Васильевичъ, отъ глубины души за неустомимо усердные и многополезные труды ваши. Высоко цѣня службу вашу, молю Бога даровать вамъ и впредь силы и здоровья до конца выдержать тяготу возложенной на васъ отвѣтственной работы.

Сердечно васъ любящій и уважающій *НИКОЛАЙ*».

Рескриптъ этотъ былъ объявленъ генераль-адъютантомъ Алексѣевымъ въ приказѣ по штабу Верховнаго Главнокомандующаго, въ коемъ говорится:

«Безконечно счастливъ объявить Высокоимлостивыя слова Государя Императора, въ глубокомъ сознаніи, что они одинаково относятся ко всѣмъ моимъ сотрудникамъ. Проникнемся этими словами и съ горячей вѣрой въ Бога, съ глубокой преданностью нашему Державному Вождю, съ прежней энергіей будемъ работать и впредь на пользу Государю, родинѣ и нашей доблестной арміи, выполняя честно и по мѣрѣ нашего разумѣнія предначертанія нашего великаго Государя».

Принявъ поздравленія, Государь Императоръ приступилъ къ обычнымъ ежедневнымъ занятіямъ съ генераль-адъютантомъ Алексѣевымъ.

Въ половинѣ перваго въ помѣщеніи штабной столовой Государь Императоръ, Государыня Императрица и вся Августѣйшая Семья осчастливили принять отъ чиновъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго завтракъ. Самое сердечное радушіе, самое искреннее чувство безконечной любви и преданности окружали Ихъ Величества. Около Государя и Его Семьи 23-го августа собрались лица, которыя ежедневно работаютъ съ Державнымъ Вождемъ на пользу родной арміи, на счастье и славу Россіи. Когда Ихъ Величества покидали штабную столовую, то единодушное «ура» раздавалось по улинамъ Царской ставки.

Послѣ завтрака день пошелъ обычнымъ трудовымъ порядкомъ, какъ и всѣ дни въ Царской ставкѣ.

Послѣднія сообщенія изъ Берлина по вопросу объ отставкѣ генерала Фалькенгайна даютъ возможность установить картину несогласія и растерянности, господствующихъ въ высшихъ военныхъ кругахъ Германіи.

Дѣло въ томъ, что генераль Фалькенгайнъ предлагалъ, будто бы, совершенно измѣнить весь планъ войны, доселѣ осуществлявшійся главнымъ штабомъ, но кайзеръ съ негодованіемъ отвергъ тѣ предположенія, которыя были представлены на его одобреніе.

Генераль Фалькенгайнъ предвидѣлъ полный разгромъ болгаръ подъ двухстороннимъ натискомъ союзниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что, наступая съ сѣвера и съ юга, союзники неизбѣжно отрѣжутъ линію сообщеній австро-германцевъ съ Турціей. Поэтому Фалькенгайнъ находилъ, что слѣдуетъ преклониться передъ неизбѣжностью и теперь же совершенно отказаться отъ веденія кампаніи на Балканахъ.

Затѣмъ Фалькенгайнъ предполагалъ сократить австро-германскій фронтъ на востокъ, очистивъ большую часть Галиціи и отодвинувшись на линію, которая, проходя черезъ Бѣлостокъ и Брестъ-Литовскъ, на югъ тянулась бы по теченію Буга. Этому должно было сопутствовать сокращеніе оборонительной линіи также и на румынскомъ фронтѣ отходомъ на оборонительныя позиціи по линіи отъ Оршovy до Дорна-Ватры.

По отношенію къ западному фронту Фальгенгайнъ предполагалъ немедленную эвакуацію всѣхъ областей французской территоріи, занятыхъ нынѣ нѣмцами, и организацію новой системы оборонительныхъ линій отъ Ньюпорта до Лонгви вдоль франко-бельгійской границы и затѣмъ далѣе, до франко-германской границы.

По мнѣнію Фалькенгайна, такая перестройка германскаго плана кампаніи, на основахъ чисто-оборонительной стратегіи, при значительномъ сокращеніи протяженія фронтовъ, парализовала бы силы союзниковъ и сдѣлала бы для нихъ невозможнымъ сломить австро-германское сопротивленіе.

Упорствовать же въ преслѣдованіи настоящаго плана кампаніи при теперешней растянутости фронтовъ—значило бы, какъ утверждалъ Фалькенгайнъ, навѣрняка идти къ катастрофѣ.

Однако, фельдмаршалъ Гинденбургъ заявилъ, что новый планъ Фалькенгайна былъ бы низкой трусостью, не достойной Германіи, и кайзеръ, присоединившись къ мнѣнію Гинденбурга, отстранилъ Фалькенгайна.

Впрочемъ, по свѣдѣніямъ изъ другихъ источниковъ, Гинденбургъ самъ хочетъ сократить западный фронтъ, чтобы имѣть возможность сосредоточить максимумъ силъ на востокъ.

Какъ неотступно вспоминается нашъ разговоръ о политическихъ выступленіяхъ съ лидеромъ кадетской партіи Милюковымъ въ началѣ августа прошлаго года. «Болгарскія войска никогда не выступятъ противъ Россіи», сказалъ онъ тогда во время нашего разговора.

В. П.